

Матеева К.М.

**ПРАВОВОЙ СТАТУС НИЗШЕГО СОСЛОВИЯ КЫРГЫЗСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ XIX – НАЧАЛА XX вв.**

К.М. Mateeva

**THE LEGAL STATUS OF THE LOWEST CLASS OF THE KYRGYZ POPULATION
UNDER CUSTOMARY LAW OF THE XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES**

УДК:343.77/5(575.2)

В статье раскрывается вопрос наличия сословий в кыргызском обществе XIX – начала XX вв. Особое внимание уделяется сословной иерархии в обществе, которая выражается в неравном положении прав и привилегий сословий. Автор анализирует исследования ученых и источники обычного права кыргызов. В статье рассматривается более детально вопрос правового статуса низшего сословия, его категорий и их правовое положение.

Ключевые слова: сословие, обычное право, правовой статус.

This article is disclosing an issue of presence of estates in the Kyrgyz society during XIX – beginning of XX century. Particular attention is paid to the discussion of hierarchy of the estates in the society, which is expressed through not equal rights among the estates. The author is analyzing research of many scholars and also sources of customary law of Kyrgyz people. The article is exploring in details the issue of legal status of the lowest in hierarchy estate in Kyrgyz society, its categories and their legal status as well.

Key words: estate, customary law, legal status.

В XIX веке кыргызское население делилось на определенные группы, которые имели различные права и обязанности, неравные друг другу. Такие ученые и исследователи, как “Н. Аристов и Н.Ситняковский, Г. Загряжский”⁹, Ч. Валиханов,¹⁰ изучая историю формирования кыргызской народности, называли эти группы сословиями. “Сословие – это социальная группа, обладающая закрепленными в законе или обычаях и передаваемыми по наследству правами и обязанностями”.¹¹ В XIX веке в кыргызском обществе присутствовало сословное деление. Каждое сословие имело свой круг прав и обязанностей, которые были закреплены в обычном праве. Обычное право кыргызов основывалось на устной традиции и передавалось из поколения в поколение в виде кратких изречений и пословиц. В последующем нормы обычного права были инкорпорированы в писанный источник права – “Эреже”¹².

Согласно нормам обычного права, “кыргызское население делилось на следующие группы: долж-

ностное и почетное лицо, среднее и низшее сословия”¹³. Лица, занимавшие должностное положение, которые находились на общественной службе выполняли функции аульного старшины, волостного управителя или бия. Почетные лица являлись крупные манапы, беки и датхи; в свою очередь мелкие манапы, байы, торговцы среднего уровня, и аткаминеры являлись представителями среднего сословия; низшее сословие состояло из простого народа – кара-букары.

Правовой статус каждой группы отличался друг от друга и был неравным. Это прослеживается в нормах обычного права. Например, пословица “Бай менен кедей баш кошпойт”¹⁴ указывает на невозможность брака/союза между баями и бедняками; пословица “Байдын уулу калаада, кедейдин уулу талаада”¹⁵ указывает на то, что сын бая живет в городе, а сын бедняка вынужден работать в поле. Неоднородность социальной структуры прослеживается в течение всего рассматриваемого периода (XIX – начала XX вв.). За оскорбление должностных лиц виновный приговаривался к уплате штрафа от одной лошади и халата до двух лошадей, а за оскорбление низшего, не пользующегося уважением человека, виновный приговаривался к уплате штрафа в один халат.¹⁶ В Эреже Пржевальского чрезвычайного съезда биев от 5 октября 1908 года, пункт 18 содержит следующее положение: “Если кто-либо увезет невесту у почетного лица – 20 голов скота во главе 1 верблюда, у среднего сословия – 10 голов скота во главе 1 верблюда и у низшего сословия 5 голов скота во главе 1 верблюда”¹⁷. Согласно данному положению эреже, очевидно, что честь почетного лица оценивалась в два раза больше, чем у среднего сословия и в 4 раза больше, чем у низшего сословия. Низшее сословие имело ограниченный круг прав, свобод и привилегий.

¹³ Борубашов Б. И. Государственно-правовое регулирование общественных отношений кыргызов в составе Российского государства (1855-1917). – Б., 2009. – С. 69-70.

¹⁴ Жыйнаган М. Ибрагимов Кыргыз макал - ылакап, учкул сөздөрү. – Карабалта, 2005. –С. 96.

¹⁵ Там же. С. 98.

¹⁶ Эреже Токмакского чрезвычайного съезда, открытого для кыргызов Токмакского уезда с 1-го по 15-е мая 1893. // Материалы по истории государства и права Казахстана. – Алматы, 1994 г. – С. 22-23.

¹⁷ Эреже Пржевальского чрезвычайного съезда биев от 5 октября 1908 года. / Кожоналиев С. К. Обычное право кыргызов. Б.: 2000. – С. 298.

⁹ История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней. в 5-ти том. – Т.2. – Фрунзе, 1985 г. - С. 15.

¹⁰ Валиханов Ч. Собр. Соч. в 5 томах. – Т.2. – Алмата, 1985. – С. 7-8.

¹¹ Барихин А. Б., Большой Юридический энциклопедический словарь Москва, 2006 г. - С. 646.

¹² Эреже – это положение или руководящее постановление Чрезвычайного съезда биев. (Нурбеков К. История государства и права Киргизской ССР. – Б., 1999. - С. 64.).

На протяжении XIX – начала XX вв. в кыргызском обществе к низшему сословию относилась букара (“бедняк”). Неравное правовое положение букары было обусловлено политическими, экономическими и социальными факторами. Букара в рассматриваемый период находилась либо в прямой, либо в косвенной зависимости и подчинении у манапов, баев и других представителей высшего сословия кыргызского общества. А.П. Хорошкин в своих записях отмечал, что “кара-киргизы называют себя рабами манапов, сопровождают их в наездах и умирают за них в барантах”¹⁸. “Господство манапов над букорою неограничено”, – отмечал в своем рапорте от 18 марта 1896 г. глава Пишпекского уезда.¹⁹ Действительно, букара была вынуждена работать на манапов, баев, чтоб иметь средства к существованию. Букара выживала благодаря своей рабочей силе. Это хорошо прослеживается в нормах обычного права. Например, пословица “Бай данки менен, кедей кучу менен жашайт”²⁰ означает, что бай живет за счет своего богатства, известности, а бедняк живет лишь благодаря своей рабочей силе. Или пословица “Байды байыткан – кулу”²¹ указывает на то, что бай богатеет лишь за счет своих рабов. Букара фактически полностью зависела от высшего сословия, однако несмотря на это, букара не относилась к категории рабов, так как обладала личной свободой и правом выбора. Основная масса букары вела самостоятельную хозяйственную деятельность благодаря наличию малого количества скота и возможности пользоваться общинной землей. В состав букары входило несколько категорий, которые отличались друг от друга своим правовым статусом.

Среди букары существовали следующие социальные группы населения – это кедей, джалчы и малаи, джатакчы, чайрыкеры и мардикеры, отходники или трудовые мигранты. Некоторые представители букары имели самостоятельную хозяйственную деятельность, некоторые представители полностью зависели от высшего сословия населения, что и выражалось в содержании их правового статуса.

Кедей, представитель низшего сословия, обладал небольшим количеством скота, хозяйственными и бытовыми принадлежностями и своей кибиткой. Соответственно, кедей мог и вел кочевой образ жизни, однако не имел возможности увеличения своего состояния, соответственно оставался в составе низшей категории населения. Очень бедный кедей, неимевший достаточного количества скота, старался поселиться вокруг манапов и баев и кочевал вместе с ними, чтоб иметь средства к существо-

ванию. Такого человека называли – коншу (“сосед”)²². Он выполнял любую работу, обслуживая хозяйство манапов и баев. Кочуя вместе с баями, коншу пас и охранял скот, перевозил вещи, устанавливал юрты. Женщины занимались стиркой, дойкой коров и кобыл, приготовлением пищи. В награду за обслуживание байского хозяйства, коншу получал право временного пользования одной или двумя коровами и овцами. Иногда коншу доставалась еда с хозяйского стола и одежда. Баи всегда могли отобрать скот и прогнать коншу и его членов семьи. В таком случае, они начинали нищенствовать и прокармливаться случайной работой. Данное сословие не было политически свободно, оно находилось под властью верхушки.

Джалчы и *малаи* составляли немалую прослойку букары. Они являлись наемными сельскохозяйственными рабочими. Работали они либо сезонно, либо круглый год. Сезонных работников обычно называли джалчы. Джалчы работали по найму пастухами, табунщиками, и чабанами. Их также нанимали на сезон сбора урожая или полевых работ (что преобладало на юге Кыргызстана). После срока договора с баем, джалчы возвращались домой, ожидая следующего сезона работы. В отличие от джалчы, малаи являлись годовыми работниками. Обычно, они работали всей семьей, тем самым им приходилось селиться в аиле бая и соответственно работать на него. Малаи выполняли различную хозяйственную работу: пасли, доили и охраняли скот, помогали по домашнему хозяйству. Оплату за свои услуги малаи и джалчы получали в натуральной форме: скотом, частью урожая и т. д. Очень важно отметить, что договоры между баями и малаями, имели устный характер и зачастую баи не выплачивали или затягивали сроки выплаты. Иногда, малаи оказывались в долгу у бая и постепенно превращались в его постоянных работников. Данная категория букары занимала значительную прослойку в обществе, так как наемный труд прогрессировал среди населения.

Следующую категорию букары составляли *джатакчы*. Джатакчы (“лежачий”, то есть неkochующий) – означает оседлый. Это были лица, которые лишились скота и соответственно всвязи с этим постепенно переставали вести кочевой образ жизни. Отделившись от кочевого общества, джатакчы стали переходить к оседлости. Они относились к той категории населения, которая тесно была связана с земледельческим хозяйством, но еще не оторвавшаяся окончательно от скотоводства. Земельные участки, которые обрабатывали джатакчи принадлежали аильному обществу, либо богатым манапам и баям, от которых джатакчы были зависимыми. Они обрабатывали не только свои участки, но и также участки богатой знати, которая либо находилась с

¹⁸ Хорошкин А.П. Байтук-батур (рассказ из каракиргизской жизни, 1867 г.) // Туркестанские ведомости. - 1872., № 23, 31.

¹⁹ ЦГА РК, ф. 44, оп. 1, д. 696, л. 14.

²⁰ Жыйнаган М. Ибрагимов Кыргыз макал - ылакап, учкул сөздөрү. – Карабалта, 2005. – С. 95.

²¹ Там же. С. 97.

²² Нурбеков К. История государства и права Киргизской ССР. – Б., 1999 г. - С. 43.

ними в родстве, либо являлась одноаильцами. П. Зенков отмечал: “Землепашество исполняется у них исключительно отдельной корпорацией джатаков, рабски работающих на манапов и баев”²³. Однако и баи, и манапы помимо вознаграждения помогали джатакчы. Они предоставляли средства к существованию, особенно если такая богатая знать была сородичими. Такие средства были шерсть, шкуры, молочные продукты такие как, айран, сузме, кумыс и т. д. Вознаграждение за работу джатакчы производилось в натуральной форме, а именно, они получали корову во временное пользование, при этом корова предназначалась исключительно в целях получения молока (саан). Они также имели право пользования лошастью для работы по земледелию (унаа или куч). Джатакчы облагались поборами со стороны манапов, тем самым не имели возможности улучшить свое положение. Но все же, наблюдалась устойчивая тенденция роста данной категории, в результате имущественного расслоения коренного населения. Джатакчы являлась перспективной группой, связанной с оседлым образом жизни – земледельческим хозяйством.

Имущественное расслоение общества и соответственно социальная дифференциация среди низшего слоя населения набирала быстрый ход в конце XIX века. В связи с этим, образовалась прослойка *чайрыкеров* (издольщики) и *мардикеров* (поденщики). Наемный труд имел популяризацию среди букары. Чайрыкеры и мардикеры, как и джатакчы, являлись наемными работниками. Однако, вознаграждение, форма и условия найма у них отличалась. Лица, которые не имели или почти не имели земельного участка и скота, нанимались к богатой знати. Феодалы предоставляли весь сельскохозяйственный инвентарь, средства и инструменты для полевых работ, землю, семена, тягловый скот. Чайрыкеры выполняли сельскохозяйственную работу: от посева и обработки полей до сбора урожая. За свою работу, они получали определенную часть урожая, что зависело от условий договора, степени участия в производстве урожая, полевых работ²⁴ и т. д. Иногда оплата достигала до 1/2 части урожая. Мардикерами становились разорившиеся дыйкане (крестьяне), неимевшие ничего, поэтому они также работали по найму, благодаря чему могли существовать. Обычно мардикеры нанимались на любую работу, но только на определенный срок в разгар полевых работ, обработки полей или сбора урожая. В отличие от чайрыкеров, оплату за свой труд, мардикеры получали денежное вознаграждение, которое не всегда хватало им на пропитание.

²³ Зенков П. Экономические заметки по киргизской степи от Иртыша до Исык-Куля. // Туркестанские ведомости. – 1874 г., № 46.

²⁴ Усенбаев К. Общественные и экономические отношения кыргызов (вторая половина XIX и начала XX в.). – Фрунзе: Илим, 1980. – С. 170.

В кыргызском обществе “в первой половине XIX века присутствовали элементы рабства, которое имело патриархальный характер”²⁵. Многие ученые такие как Нурбеков К.²⁶, Талызин. А.²⁷, Гродеков Н.²⁸ отмечали, что рабовладение в кыргызском обществе было. Однако, необходимо отметить тот факт, что это были единичные случаи, так как рабам могли доверить только домашнюю работу. Основным же производителем труда была всегда букара. Существовавшие рабы, работая у своего хозяина впоследствии создавали семьи, они также обладали правом пользоваться скотом и землями хозяина, но не имели как таковую личную свободу. Во второй половине XIX века, после вхождения Кыргызстана в состав России, рабство было запрещено. В последующем потомки рабов влились в состав букары – основной рабочей силы. Конечно рабочая сила часто впадала в зависимость от феодала, тем самым продолжала работать на него, не имея возможности вести самостоятельную хозяйственную деятельность, однако данная категория населения все таки обладала рядом прав и свобод, которые включали, в первую очередь – личную свободу.

В конце XIX века, очень часто те обнищавшие дыйкане не могли найти работу в своем или соседних аилах. В связи с этим, они нанимались либо к узбекским феодалам (на юге Кыргызстана), либо к русским кулакам. Их называли *отходниками или трудовыми мигрантами*. Работая по найму отходники все таки старались продолжать вести сельское хозяйство. Они старались уходить на заработки зимой, когда были свободны от сельскохозяйственных работ, либо только в разгар конкретных работ, таких как сбор урожая, полевых работ и т. д. К концу XIX и начала XX века многие из них нанимались на кустарно-промышленные предприятия и каменноугольные копи. С возникновением такого рода промышленных предприятий и увеличением работников на предприятиях, многие отходники постепенно отлучаются от родного аила и превращаются в сельский пролетариат. В результате этого зарождается рабочий класс в Кыргызстане. Было отмечено, что в 1898 г., в Пишпекском и Пржевальском уезде насчитывалось около 43 кустарно-промышленных предприятий, где трудилось 160 рабочих, большинство из которых составляли кыргызы.

Изучая правовой статус низшего сословия кыргызского населения по обычному праву в XIX –

²⁵ Усенбаев К. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. – Ф., 1961. – С. 139-141.

²⁶ Нурбеков К. История Государства и Права Киргизской ССР. – Б., 1999 г. - С. 46.

²⁷ Талызин А. Пишпекский уезд. Исторический очерк (1855-1868) // Памятная книжка Семиреченской области за 1868 - Верный, 1898 - С. 28.

²⁸ Гродеков Н. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Юрид. быт. – Т.1. – Ташкент, 1889 г. – С. 7.

начала XX вв., можно прийти к следующим выводам. В кыргызском обществе в рассматриваемый период существовала система социально-имущественной иерархии. Основным производителем труда являлась букара – низшее сословие общества. Система родовой взаимопомощи сглаживала некоторые границы иерархии в обществе. Однако нормы обычного права констатировали обратное. Следует отметить то, что букара не представляла собой общество рабов, так как представители букары обладали определенными правами и свободами, в первую очередь - личной свободой. Среди низшего сословия были свои категории, правовой статус каждой из которых несколько отличался друг от друга, что и было изложено в данной работе.

Литература:

1. Эреже Токмакского чрезвычайного съезда, открытого для кыргызов Токмакского уезда с 1-го по 15-е мая 1893. // Материалы по истории государства и права Казахстана. – Алматы, 1994. – С. 22-23.
2. Эреже Пржевальского чрезвычайного съезда биев от 5 октября 1908 г. / Кожоналиев С. К. Обычное право кыргызов. Б.: 200. – С. 297 -299.
3. Барихин А. Б. Большой Юридический энциклопедический словарь. - Москва, 2006 г. – 792 с.
4. Борубашов Б. И. Государственно-правовое регулирование общественных отношений кыргызов в составе Российского государства (1855-1917 гг.). – Б., 2009. – 283 с.
5. Валиханов Ч. Собр. Соч. в 5 томах. – Т.2. – Алма-Ата, 1985. – 414 с.
6. Гродеков Н. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт.–Т.1.–Ташкент, 1889–503 с.
7. Жыйнаган М. Ибрагимов Кыргыз макал - ылакап, учкул сөздөрү. – Карабалта, 2005. – 500 с.
8. Зенков П. Экономические заметки по киргизской степи от Иртыша до Иссык-Куля, «Туркестанские ведомости», 1874, № 46.
9. История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней в 5-ти том. – Т.2. – Ф., 1985 – 480 с.
10. Нурбеков К. История Государства и Права Киргизской ССР. – Б., 1999. – 129 с.
11. Талызин А. Пишпекский уезд. Исторический очерк (1855-1868 гг.). Памятная книжка Семиреченской области за 1868 г. - Верный, 1898 г. – 190 с.
12. Усенбаев К. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. – Ф., 1961. – 165 с.
13. Усенбаев К. Общественные и экономические отношения кыргызов (вторая половина XIX в. и начала XX в.). – Ф.: Илим, 1980. – 321 с.
14. Хорошкин А.П. Байтук-батур (рассказ из каракиргизской жизни, 1867.) // Туркестанские ведомости. - 1872., № 23, 31.

Рецензент: к.ю.н. Чолпонкулова А.О.